

Камасутра как национальная идея

Выставка Зураба Церетели: персональный музей или прогноз на будущее?

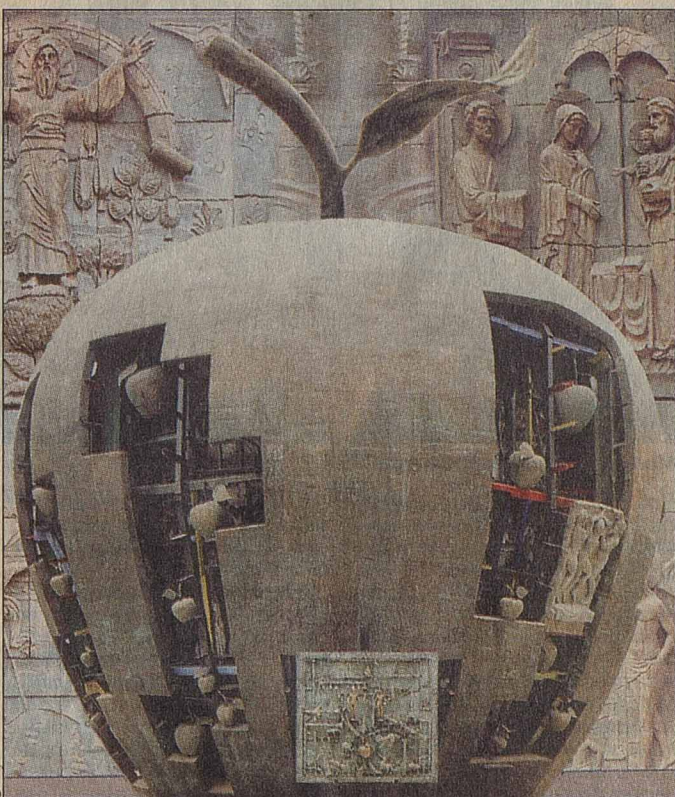
Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»

За два с лишним века существования российской Академии художеств ею руководили самые разные люди — и благородные просветители, и бессовестные карьеристы, и утонченные эстеты, и отпетые инквизиторы. Не было только ярких гениев, кумиров человечества: уж очень взбалмошна и непредсказуема эта творческая порода, чтобы впрягаться в бюрократический воз. Однако с избранием на президентскую должность Зураба Церетели словно рухнули какие-то законы природы. Величайший монументалист современности оказался еще и мудрым администратором, щедрым меценатом, поставщиком благотворительных обедов и вдохновителем всех побед.

Последний период в жизни академии можно назвать пятилеткой ударного качества: на загрустивших было членкоров и действительных обрушился дождь из бюджетных и спонсорских поступлений. Не то чтобы прямо на их головы, но совсем близко, буквально руку протянуть... Зазвонели пилы, застучали топоры умельцев-евроремонтников, и к прошлому лету вступила в строй первая очередь музея Академии художеств, расположившегося в «доме Долгоруковых» на Пречистенке — бывшем институте благородных девиц. Довольно скоро, правда, на фронтоне здания появилась вывеска «Галерея искусств Зураба Церетели», что насторожило бы всякого, но только не наших художественных патристиков. На днях они от души поздравляли своего президента с открытием персональной выставки, будто и не догадываясь вовсе, что перед ними банальный прижизненный музей.

Какой такой музей, о чем вы говорите? Всего лишь рядовая экспозиция, показ творческих достижений. Первый среди равных опробовал выставочное пространство на себе, дальнейшие мероприятия — по графику. Но нет ничего более постоянного, чем временные явления. Стоит лишь увидеть антураж застекленного внутреннего двора академического корпуса, чтобы понять: это сделано на века. Живопись, графика, перегородчатые эмали и прочие мелочи куда-нибудь позднее передут, благо с помещением у Зураба Константиновича проблем нет, а вот скульптурная композиция «Познание Добра и Зла» останется. Не та вещь, чтобы взять да свалить в записки. Квинтэссенция, кладезь жизненного опыта и мастерства, гордость безымянного коллектива монументалистов под кодовым названием «Церетели».

Похоже, ради экспозиции в атриуме и затевалась вся история с персональной выставкой. Остальные экспонаты бывали на людях неоднократно, а те, что показаны впервые, мало чем отличаются от

Яблоко, которым Церетели соблазнил Лужкова.

уже виденного. Станковые произведения Церетели образуют на удивление монотонный ряд из цветов, женских портретов и уличных, якобы тифлиских сцен. Всю свою фантазию художник реализует непосредственно в монументальной бронзе. Даже дружеские шаржи у него получаются весом в две-три тонны: чего стоит только Лужков-физкультурник с теннисной ракеткой в руке и футбольным мячом под ногами. Кто не понял, речь не о культе гармонической личности мэра, а об изобразительной шутке — настолько же глупой, насколько громоздкой.

Фигуры в полтора человеческих роста лишь намекают на возможности ваятеля. Дарование Церетели сполна раскрывается на просторе, не зря художника в пресс-релизе именуют деятелем «поистине возрожденческого размаха» (в ренессансном искусстве, правда, кроме размаха существовали и другие критерии). Стены пресловутого атриума от пола до потолка облицованы бронзовыми рельефами на библейские темы — от сотворения мира и грехопадения до избияния младенцев и исцеления прокаженных. По периметру выстроены аллегорические композиции вроде «Силы и справедливости России» — то ли диптиха, то ли двух самостоятельных вариантов. В одном случае Фемида в окружении купидонов опирается на громадный фолиант «Повести временных лет», в другом массивная нераспознанная тетка в компании со львом попирает ногами «Слово о полку Игореве». Пронимает до дрожи то и другое.

Не отстают в части выразительности и прочие иносказания: музы группируются почему-то по четыре, за общей решеткой оказываются головы древнерусских князей и церковных иерархов, воздетые трехметровые ладони обрамляют кумира столь же неопределенного, что и кантианская «вещь в себе». Но венцом творчества оказывается пятнадцатиметровое яблоко, прекрасное снаружи и изнутри. Извне это криволинейный модернистский объект с регулярными проемами, в сердцевине — не то храм Кибелы, не то логово тантрической секты. Расширить свои представления о добре и зле художник предлагает с помощью многофигурных барельефов, натуралистически изображающих акты содомии, однополый любви и всего такого, что люди без эстетического вкуса называют порнографией. Конечно, ничего принципиально нового по сравнению с подпольной кинопродукцией, но все-таки руководители бывшего института благородных девиц своим воспитанникам этого зрелища однозначно не порекомендовали бы.

В сумме экспозиция вызывает усталую улыбку. Критиковать, обличать, взывать к вершинам мировой культуры в данном случае — все равно что роптать на климат. Пока Церетели по официальной версии остается художником №1, город будет равномерно и неукоснительно покрываться слоем его произведений. В пределе Москва должна бы превратиться в гигантский атриум, под стеклянной крышей которого только и останется, что вкушать плоды от церетелива древа.